

Сюй Сянжу ничуть не сожалела и не выглядела расстроенной, что вызвало у Ань Туна подозрения: разве она не должна чувствовать разочарование и сожаление? Почему же она совершенно безразлична? Неужели она так хорошо скрывает свои чувства?!

Поняв это, Ань Тун перестала тратить время на разговоры о Цзян Чэнъане:

— Ты пришла сегодня, потому что действительно соскучилась по мне?

Сюй Сянжу с улыбкой ответила:

— А ты, маленькая госпожа Ань, считаешь, что я по тебе соскучилась?

Ань Тун задумалась, а затем надула губы:

— Ты не соскучилась.

— Я соскучилась по маленькой госпоже Ань.

— Правда?

— Мимолётная «скука», тонкая, как шёлковая нить, лёгкая, как пушинка, — это тоже скука, разве нет?

— Ты действительно разбила мне сердце. — Ань Тун сокрушалась.

— Похоже, маленькая госпожа Ань возлагала на это большие надежды.

— Ничего подобного.

— Тогда почему ты так расстроена?

Ань Тун честно призналась:

— Наверное, просто не могу смотреть, как ты спокойна и свободна, а я вся в переживаниях.

— Тогда тебе не стоит расстраиваться, потому что я тоже полна тревог и печалей.

Ань Тун бросила ей мандарин и рассмеялась:

— Это хорошо.

Шао Жу, вернувшись, увидела, что они «скрестили мечи», словно в прежние времена. Она спросила Жэнь Цуйжоу, что произошло, но та ответила, что тоже не понимает, хотя видно, что, несмотря на словесные перепалки, атмосфера между ними была дружеской.

— Расскажи, как ты так переживаешь? — Ань Тун не выдержала и первой сдалась.

Сюй Сянжу взглянула на Шао Жу:

— Я могу рассказать только тебе.

Шао Жу вспомнила наставление Цзян Чэнъаня и почувствовала тревогу. Она не знала, что Сюй Сянжу собирается сказать Ань Тун. Если это будет что-то о компромате на Ань Тун...

— Тогда, Цуйжоу, Шао Жу, идите по своим делам, вам не нужно быть рядом со мной. — Ань Тун

закончила и попросила Сюй Сянжу следовать за ней к качелям в саду.

Прошлой ночью прошёл весенний дождь, верёвки качелей всё ещё были влажными, а на сиденье оставались капли дождя.

Сидеть на качелях было невозможно, но Ань Тун и не собиралась этого делать. Она выбрала это место из-за его открытости, где негде было спрятаться для подслушивания. Вокруг были только цветочные горшки, которые не могли скрыть человека.

— Здесь ты можешь говорить свободно. Если кто-то появится, мы сразу заметим.

Сюй Сянжу, увидев её осторожность, мысленно похвалила её и сразу перешла к делу:

— Маленькая госпожа Ань, помнишь, как мой отец играл в цзюйцзюй?

— Помню.

— А знаешь ли ты молодого господина из парчовой лавки семьи Ма?

— Я не знаю его, но мама говорила, что у семьи Ма много тутовых садов в Цюйчуане, а в Таоцзяне тоже есть сады, принадлежащие им. Я помню, как твой отец упоминал, что играл в цзюйцзюй для богатого юноши. Неужели это был молодой господин из семьи Ма?

— Именно он.

— Как твой отец познакомился с ним?

— Это и меня удивляет. Позже отец проболтался, что это господин Цзян представил его для игры в цзюйцзюй.

Ань Тун вдруг поняла, что это не так уж странно. Ведь Сюй Сань — отец Сюй Сянжу, и если он любит свою дочь, то, конечно, будет помогать будущему тестю. Но...

— Что задумал Цзян Чэнъань? — Если он хочет помочь будущему тестю, почему бы просто не устроить его на достойную работу или не подарить золото и драгоценности, чтобы завоевать его расположение? Зачем отправлять Сюй Саня играть в цзюйцзюй?

— Как я могу знать?

Сюй Сянжу чувствовала, что это связано с их разговором с Цзян Чэнъанем, но в тот день он лишь выразил своё презрение к Ань Тун и больше ничего не сказал!

Ань Тун всё ещё размышляла о связи между Цзян Чэнъанем и Сюй Санем. Она немного поразмыслила и пришла к самому логичному выводу: Цзян Чэнъань отправил Сюй Саня играть в цзюйцзюй, а не просто подарил ему деньги, чтобы показать своё расположение.

Для таких, как Сюй Сань, деньги, если они приходят слишком легко, могут привести к излишней самоуверенности и распушенности. Цзян Чэнъань не хотел просто так давать ему блага, поэтому попросил молодого господина Ма, который не умел играть в цзюйцзюй, отправить его играть, чтобы он мог получить приличное вознаграждение...

— И не только это, молодой господин Ма, кажется, относился к моему отцу весьма хорошо и даже брал его на встречи.

Ань Тун внимательно посмотрела на Сюй Сянжу:

— Ты считаешь, что это не очень хорошо?

Сюй Сянжу хотела сказать, что без вмешательства Цзян Чэньяня это не было бы плохо, но вспомнила, что Ань Тун, кажется, не знает о возникшем между ними разногласии, и не знала, как это объяснить.

Она всё ещё беспокоилась о семьях Цзян и Ань, поэтому не могла сказать, что их разногласие с Цзян Чэньянем связано с Ань Туном.

— Я не считаю это хорошим.

Ань Тун задумалась:

— Действительно, у молодого господина Ма не самая лучшая репутация... Через пару дней я пойду к дяде, чтобы навестить Лань. Она знает много девушек из знатных семей, возможно, она что-то знает.

— Я пойду с тобой.

— Ты думаешь, что я не справлюсь?

— Как я могу позволить маленькой госпоже Ань бегать за меня? Мне нечем отплатить, так что я пойду с тобой, как служанка. Тогда не нужно будет брать Шао Жу...

Ань Тун широко раскрыла глаза и рассмеялась:

— Сюй Сянжу, ты действительно хочешь стать моей служанкой!

Сюй Сянжу не понимала, откуда она это взяла.

— Хотя я бы хотела, чтобы ты была моей служанкой, но я не могу! — Ань Тун с сожалением сказала. Если бы Сюй Сянжу не была главной героиней, она бы с радостью сделала её своей служанкой, чтобы иметь над ней власть!

— Почему?

— Если я сделаю тебя своей служанкой, мне не будет покоя! Подумай сама: если я скажу тебе идти на восток, ты, исходя из твоего противоречивого характера, обязательно пойдёшь на запад. Если я попрошу тебя подать мне чай, ты можешь подсыпать мне яд!

Сюй Сянжу посмотрела на неё с глубоким, даже зловещим взглядом:

— Тогда, учитывая, насколько маленькая госпожа Ань меня ненавидит, в доме Ань меня бы бросили в колодец и растёрли в порошок.

— Разве есть такие зловещие планы?

Сюй Сянжу сделала вид, что поняла:

— Судя по уму маленькой госпожи Ань, придумать план с ядом — это уже предел её возможностей.

«Хочу ли я сейчас отравить её насмерть?» — злобно подумала Ань Тун.

Сюй Сянжу покинула дом Ань, и Шао Жу поспешила за ней. Пройдя некоторое расстояние, Сюй Сянжу сказала:

— Ты не боишься, что Ань Тун не найдёт тебя?

Шао Жу испугалась и схватилась за платок:

— Сянжу, что ты сказала маленькой госпоже?

Сюй Сянжу обернулась, и на её губах появилась насмешливая улыбка:

— Что? Боишься, что я раскрою твою истинную сущность?

Шао Жу сжалась, выглядев слабой и обиженной:

— Сянжу, я не...

— Не волнуйся, если бы я хотела раскрыть тебя, я бы не ждала столько лет. Око за око: ещё тогда, когда я из благодарности к старушке Чжан взяла на себя вину за то, что ты вырвала саженцы Ань Тун, я решила больше никому об этом не говорить.

— Я не хотела этого делать!

Сюй Сянжу посмотрела на неё и через некоторое время сказала:

— Я знаю, что Ань Тун в прошлом вела себя очень своевольно и грубо, и твои действия были понятны. Но то, что ты сделала это и не призналась, вызывает у меня презрение.

Ань Тун с детства была любимицей старосты Ань и Ли Цзиньсю. Хотя её не избаловали до безнаказанности, в детстве она всё же была немного своенравной и властной.

Она любила играть в деревне, и все должны были ей уступать, иначе она расстраивалась.

Однажды группа детей отправилась на поле ловить угрей и собирать улиток. Все наловили полные корзины, а она ничего не поймала. Видя радость других детей, она разозлилась и заявила, что эти поля и каналы принадлежат семье Ань, и запретила им ловить угрей там.

Её властность заставила детей молча возмущаться, и в итоге они перестали ходить туда. Но возле рек и озёр было опасно, и дети лишились многих развлечений.

Позже кто-то начал платить за угрей, и многие дети, пока Ань Тун не видела, снова пошли ловить их. Ань Тун, гуляя по деревне, заметила, что они ловят угрей без неё, и почувствовала себя обиженной. Она пошла ловить их сама.

[Пусто]